

Научная статья
УДК 122/129
DOI: 10.18101/1994-0866-2022-1-60-66

**СООТНОШЕНИЕ СОЗНАТЕЛЬНОГО И БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО
В КОНТЕКСТЕ УЧЕНИЙ М. ХАЙДЕГГЕРА «DASEIN»
И Ж. П. САРТРА «ПРОЕКТ»**

© **Тыхеев Владимир Валерьевич**

рабочий по обслуживанию здания,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
vvtcaf@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается возможность использования учения М. Хайдеггера «Dasein» о личности, присутствующей через экзистенциалы в настоящем, прошлом и будущем, и концепции Ж. П. Сартра «Проект» о свободе самоопределения личностью ее человеческой сущности, самопонимания своего прошлого, настоящего и будущего в качестве философской основы альтернативного фрейдистской парадигме понимания соотношения сознательного и бессознательного. Понятие «Dasein» приводится в статье как «усвоенное» бытие, как бытие, ставшее достоянием личности, как прошлое, ставшее ее настоящим, которое определяется открытостью на будущее в «заботе» о его становлении, в осознанности конечности своего «бытия-к-смерти». Представление Сартра о «проектности» человеческого существования рассматривается как идея, противоположная фрейдистской парадигме, постулирующей детерминированность прошлым, — идея о человеке как о непрерывном переходе, выходе за пределы своего прошлого опыта к неизведанному еще будущему, которое определяется выбранным «проектом». Делается вывод о потенциальной возможности использования данного понимания бессознательного для поиска новых методологий и созданных с их помощью дисциплинарных и междисциплинарных теоретических разработок для разрешения тех или иных научных и практических проблем, связанных с современной действительностью и современным мышлением.

Ключевые слова: бессознательное, dasein, проект, фрейдизм, бытие-к-смерти, экзистенциал, время, бытие, ничто, das Man.

Для цитирования

Тыхеев В. В. Соотношение сознательного и бессознательного в контексте учений М. Хайдеггера «Dasein» и Ж. П. Сартра «Проект» // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2022. Вып. 1. С. 60–66.

Проблематика бессознательного, впервые заданная в концепции З. Фрейда, открыла путь многочисленным исследованиям в самом различном научном контексте (философском, психологическом, психиатрическом, а также на стыке этих дисциплин в их взаимодействии); однако необходимо признать, что так или иначе практически все они следуют в начатой Фрейдом канве (даже те, что позиционируют себя как оппозиционные к классическому фрейдизму, тем не менее «отталкиваются» именно от фрейдизма, полагая его основой, фундаментом своих исследований) — в канве понимания сферы бессознательного как плода столкновения

базовых инстинктивных влечений с требованиями культуры, выдвигаемыми обществом к человеку в процессе его социализации; в результате этого столкновения область бессознательного возникает в форме «вытесненных» влечений; данное «вытеснение» возникает как результат некоей неудавшейся «сублимации» — «направления» либидальной энергии в психические структуры нормальной социализации. Не подвергая сомнению бесспорную научную (философско-антропологическую) и практическую (для психологии и психиатрии) ценность данной парадигмы, мы можем тем не менее рассматривать и иные способы понимания проблематики бессознательного. О каком ином способе может идти речь и какой может быть смысл в его разработке?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо указать на те недостатки, которые присутствуют, на наш взгляд, в фрейдистской антропологической парадигме, постулирующей понимание человеческого сознания как некоей «верхушки айсберга», под которой скрывается совершенно неподконтрольная личности основная масса человеческой психики; причем эта масса в значительной степени детерминирует мыслительные, эмоциональные и волевые феномены сознания, тем самым в самой высокой степени проблематизируя такие фундаментальные для понимания человеческой природы принципы, как свобода воли и моральная ответственность (без которых немислим человек как таковой в его инаковости от животных, например). Прежде чем указать на те недостатки, еще раз отметим, что, конечно же, в высшей степени безрассудной будет являться любая попытка отрицания научной ценности открытий (в первую очередь самого факта открытия сферы бессознательного и его огромного значения в структуре человеческой психики), совершенных в творчестве как З. Фрейда, так и его последователей (они не всегда разделяли все его взгляды, которые, впрочем, также подвергались трансформации в его собственном творчестве).

Кроме отрицания действительной свободы воли (такое отрицание присутствует не только в классическом фрейдовском психоанализе, но, на наш взгляд, в той или иной степени и во всех других психоаналитических направлениях, возникших позже в постструктуралистском дискурсе, тем самым ослабляя или вообще элиминируя возможный психотерапевтический потенциал открытий Фрейда) и вследствие этого отрицания проблематизации бытия человека как такового (разумного, свободного, ответственного за свои действия) заданная Фрейдом парадигма достигла, на наш взгляд, своего эвристического предела и в философских исследованиях возможных путей развития человеческой природы; ведь само собой разумеется, что человек, не обладающий в полной мере свободой, не может преодолеть самого себя — ни в соответствии с призывом Ницше о «сверхчеловеке», ни в осознании учения Сартра о свободном выборе личностью собственной сущности, ни в высших гуманистических идеалах, заданных в общечеловеческой культуре, ни тем более в доверии к религиозным образам святости и духовного совершенства в единстве с абсолютным бытием; такое отрицание порождает безысходный антропологический пессимизм как выражение некоего метафизического отчаяния и порожденного им цинизма и равнодушия.

В самой высокой степени влиятельное в плане дальнейшего развития философии творчество М. Хайдеггера установило, на наш взгляд, возможность совер-

шенно нового отношения к сфере бессознательного, понимаемого как понятие, отражающее не что иное, как один из трех модусов времени, а именно как прошлое (наряду с настоящим и будущим; об отношении бессознательного — взятого в хайдеггеровской парадигме — к этим модусам мы скажем далее). Ведь прошлое — это бытие, ставшее достоянием личности (которую Хайдеггер определяет как *Dasein*), частью ее «усвоенного» опыта. Что является этим «усвоением», через которое бытие стало частью *Dasein*? Определение, данное Хайдеггером человеческой личности, звучит так: ««*Dasein* — это сущее, обладающее способностью вопрошать о бытии» [1, с. 7]. Таким образом, человек постоянно вопрошает о бытии — о тех его феноменах, которые прошли «сквозь» него в процессе его существования, вопрошает об их смысле, их значении (и назначении) для своей экзистенции (существования вовлеченного, «заброшенного» в мир, в каждую конкретную ситуацию) и о своей возможной реакции на них, своем должностовании в отношении них.

Соответственно, прошлое, заключенное в человеческом бессознательном, должно нами делиться на то, которое актуализировано в опыте, стало частью личности, понимаемой как свободное осознанное самоопределение, и на такое прошлое, которое хотя и прошло «через» сознание, но «прошло мимо» и не усвоено как полученный опыт, не понято как осознанный смысл, и тем самым стало собственно тем, что «вытеснено» из сознания (осознанности, т. е. из *Dasein*); стало неким мертвым грузом феноменов бытия, о которых не было вопрошания и соответственно не было и получено ответа от бытия; в психотерапевтическом дискурсе такое прошлое зачастую идентифицируется как «травматическое», т. е. как еще ждущее своего осознания для исцеления (восстановления целостности как самообладания в акте свободного самоопределения), которое невозможно без осознания своих ошибок в деятельности и герменевтической практике.

Другими словами, все, что проживает человек, он должен сделать частью себя, следуя определенной герменевтической стратегии, заданной свободным ее выбором, а не только той или иной культурной и духовной традицией, доступ к которой достигается только в осознании собственной конечности (смертности), и потому в понимании цели собственного существования (ведь один из хайдеггеровских экзистенциалов, наиболее актуальных в данном вопросе о времени, — это «бытие к смерти»), без такого целеполагания прошлое личности рискует стать вытесненной в неосознанное бессознательное бессмыслицей, занятой лишь эгоцентричной (а значит, антисоциальной и уже потому ошибочной) реализацией животных инстинктов, для которых феномены культуры — лишь досадное препятствие и тяжелое бремя.

Тогда чем является настоящее и будущее *Dasein*? Хайдеггер исходит из понятия «ничто», под которым сложно не увидеть неоплатонические (особенно глубоко раскрытые в апофатической теологии христианского неоплатонизма) и буддийские метафизические «мотивы»; «без исходной открытости *ничто* нет никакой самости и никакой свободы» [2, с. 226]. Очевидно, что данная открытость в отношении *ничто* относится именно к будущему человеческой личности (*Dasein*); ведь открытость к чему-либо подразумевает именно то, чего еще нет, но что потенциально возможно (при определенных условиях) именно в будущем как возможность. Хайдеггер пишет (в своем фундаментальном для своей философии труде

«Бытие и время») о проблематике присутствия Dasein во времени в таких словах: «Исходная и собственная временность временит из собственного будущего, а именно так, что оно, наступающее бывшее, впервые пробуждает настоящее. Первичный феномен исходной и собственной временности есть будущее» [1, с. 329].

Хайдеггер утверждает таким образом не что иное, как концепцию личности, которая возможна только как живущая «одновременно» в прошлом и в будущем (которого в действительности еще нет, но которое есть как возможность исключительно благодаря бытию, которое является источником всех вероятных возможностей для этого Dasein), которая существует в настоящем как в точке, где будущее становится прошлым. Более того, в вышеприведенных словах Хайдеггер постулирует первичность будущего, в котором являются человеку его возможности, сокрытые в бытии, — возможности, которые могут быть реализованы в актуализации экзистенциалов Dasein или потеряны в неподлинном, несобственном модусе Das Man. Однако эти возможности приходят к своей реализации не иначе как через осознанное (и потому воспринятое, усвоенное) «экзистирование» в структурах Dasein, именуемых Хайдеггером экзистенциалами (среди которых бытие-в-мире, бытие-с-другими, понимание, речь, истина, открытость, забота, страх, решимость, бытие-к-смерти, настроенность, совесть, временность и др.); такое усвоение опыта пребывает ни в чем ином, как в прошлом времени, которое присутствует в личности постоянно и непрерывно, как ее настоящее содержание (т. е. та самая «невидимая часть айсберга» из упомянутого нами широко распространенного благодаря фрейдизму образа соотношения сознательного и бессознательного в человеческой психике).

И как писал в подобном ключе о непрерывном человеческом самоопределении другой представитель экзистенциалистской парадигмы Ж. П. Сартр, «именно проектируя себя и теряя себя вовне, он существует как человек. С другой стороны, он может существовать, только преследуя трансцендентные цели. Будучи этим выходя за пределы, улавливая объекты лишь в связи с этим преодолением самого себя, он находится в сердцевине, в центре этого выхода за собственные пределы. Нет никакого другого мира, кроме человеческого мира, мира человеческой субъективности» [4, с. 176–177]; здесь Сартр прямо указывает, несмотря на свой атеизм, на человеческую культуру, направленную на высшие цели, которые находятся за пределами этого мира, и на человеческую природу как на непрерывное «усвоение» опыта и одновременно как выход за пределы своего прошлого опыта к неизведанному еще будущему.

По Сартру, будущее, которого «еще нет», фактически является тем платоновским «миром идей», которые через человека могут обрести реальное существование в человеческой экзистенции. Эта открытость к *ничто* подразумевает возможность свободы как таковой, так как любое содержание окружающего человека мира потенциально или актуально, так или иначе раскрывает его Dasein, понимаемое как условие личностного бытия — бытия свободного; человек непрерывно самоопределяет себя в выборе своего отношения к тем или иным вещам; этот выбор осуществляется как на сознательном, так и на бессознательном уровне (который, как мы отмечали ранее, является тем прошедшим временем, в котором человек сделал свой выбор того или иного отношения, той или иной реакции, того или

иного понимания, той или иной герменевтической парадигмы). Таким образом человек выбирает не только себя, но и мир, в котором существует.

В учении Сартра ясно прослеживается идея, противоположная фрейдистской парадигме (постулирующей детерминированность прошлым), — идея о человеке как о некоем переходе от прошлого к будущему; переходе, который даже не опирается на прошлое, но как бы «отталкивается» от него в своем устремлении в будущее. Противоположна фрейдизму по аналогичным причинам и доктрина М. Хайдеггера (аналогично постулирующая первостепенное значение свободного — а значит, вполне осознанного выбора в осознанности своего *Dasein*; в этом ее отличие и от доктрины марксистской, которая подобно фрейдистской детерминированности личности вытесненным бессознательным постулирует обусловленность человеческого мышления классовым сознанием — отношением собственности к средствам производства). Но какова в таком случае роль бессознательного (понимаемого нами в качестве полученного или не полученного в силу ошибочного способа мышления опыта как прошлого) в доктринах Сартра и Хайдеггера?

Бессознательное, на наш взгляд, если мыслить в парадигме хайдеггеровского и сартровского экзистенциализма, играет огромную роль в человеческом существовании: оно определяет способ познания человека. Если исходить из той кантовской концепции, что «человеческое мышление познает предмет в той мере, в какой его конструирует» [4, с. 58] (с данной концепцией в свете постструктуралистских и психоаналитических открытий последних десятилетий все сложнее спорить), прошлое в триаде «прошлое — настоящее — будущее» имеет ключевую роль, определяющую тот горизонт выбора, в котором пребывает человек перед безбрежным океаном *ничто*, которое может открыть себя человеку, если он найдет язык, на котором сможет понять его, уловить его смысл. Как пишет Хайдеггер, «мышление — способ уловить *ничто* в его истоках и принять решение о возможных путях его раскрытия» [2, с. 417]. Но мышление определяется исключительно тем опытом (причем опытом осознанным, полученным в модусе «вопросания» экзистенциалов *Dasein*, но не в обезличенном в «мы» и «они» безответственном модусе *Das Man*), который получен в прошлом, который содержится (присутствует) в бессознательном.

Хайдеггер пишет, что «*ничто* уже не остается неопределенной противоположностью сущего, а приоткрывает свою принадлежность к бытию сущего» [2, с. 149]; то есть в ситуации осознанности в модусе *Dasein* человек преодолевает свойственное дуалистической метафизике «забвение бытия» [2, с. 35] (как мы видим из вышеприведенных цитат, в философии Хайдеггера *ничто* есть то же, что бытие; отношение феноменального сущего к бытию полностью соответствует отношению сущего к *ничто*; через термин «*ничто*» Хайдеггер очевидно использует апофатический принцип неоплатонизма, подчеркивающий радикальную трансцендентность абсолютного бытия к феноменальному сущему; революционность философии Хайдеггера заключается именно в его понимании бытия как имманентного человеку; впрочем, подобные тезисы об имманентности абсолютного бытия присутствуют и в средневековой томистской рецепции аристотелизма). Такая осознанность возможна только через один из выбранных способов понимания мира, в котором существует человеческая личность; осознанность — это осозна-

ние того факта, что данный выбранный способ понимания — это и способ существования, причем как один из возможных; это накладывает колоссальную ответственность на каждого человека за свое бытие, которое одновременно едино, одно для всех (в то же время, предстая перед каждым человеком в своей уникальной и неповторимой для его Dasein сущности, неповторимом сущем).

Ведь, как мы уже цитировали Сартра выше, «нет никакого другого мира, кроме человеческого мира, мира человеческой субъективности» [3, с. 177]; здесь Сартр указывает, на наш взгляд, именно на онтологическую природу человеческого выбора, который Сартр понимает через понятие «проект»; «именно проектируя себя и теряя себя вовне, он существует как человек» [3, с. 176]. Сфера бессознательного предстает уже как то прошлое, которое формирует этот самый «проект» через ежедневный выбор своей сущности (ведь прошлым непрерывно становится то будущее, которое происходит из *ничто*, из бытия и проходит через человека и обретает через это прохождение, через его определенные опытом герменевтические структуры сознания онтологический сущностный статус того или иного сущего); этот выбор подразумевает осознание великой ответственности (в первую очередь перед самим собой), поэтому сама возможность такого выбора есть благо, если целью является абсолютное добро. «То, что мы выбираем, — всегда благо. Но ничто не может быть благом для нас, не являясь благом для всех. Если, с другой стороны, существование предшествует сущности и если мы хотим существовать, творя одновременно наш образ, то этот образ значим для всей нашей эпохи в целом. Таким образом, наша ответственность гораздо больше, чем мы могли бы предположить, так как распространяется на все человечество» [5, с. 247].

Такой подход к пониманию бессознательного может нам позволить, с одной стороны, демистифицировать эту сферу (через более рациональный подход к ее содержанию, чем это было во фрейдистской парадигме, в которой отчетливо подчеркивается именно иррациональность человеческой природы, основанной на животных инстинктах и насилии в их адрес со стороны социальных норм, которым человек вынужденно подчиняется против своей «изначальной» воли) через понимание его феноменов в качестве так или иначе осознанного — «освоенного» или «неосвоенного» опыта («неосвоенное», то есть непонятое в рамках конкретной выбранной «личной философии» индивида, собственно и становится вытесненным в то «неосознанное бессознательное», содержание которого понимается в качестве суммы результатов неких ошибок разума как отсутствия понимающей — дающей всему смысл — осознанности и посему причиной неврозов, навязчивых страхов, пресловутых «комплексов» и т. д.).

С другой стороны, такая радикально альтернативная парадигма соотношения сознательного и бессознательного может определить саму возможность поиска новых методологий и созданных с их помощью дисциплинарных и междисциплинарных теоретических разработок для разрешения тех или иных психологических, психиатрических, социальных, социально-политических, культурологических, антропологических и социально-философских проблем, связанных с современной действительностью и современным мышлением, являющим все новые «неразрешимые» (в рамках прежних культурных и научных парадигм) проблемы и все новые возможности для *homo sapiens*; возможности, сокрытые во времени — в прошлом, настоящем и будущем каждого человеческого Dasein.

Литература

1. Хайдеггер М. Бытие и время. Москва, 2015. 452 с. Текст: непосредственный.
2. Хайдеггер М. Время и бытие. Москва, 1993. 448 с. Текст: непосредственный.
3. Сартр Ж. П. Дороги свободы. Москва, 2015. 976 с. Текст: непосредственный.
4. Васильев В. В. Подвалы кантовской метафизики (дедукция категорий). Москва, 1998. 160 с. Текст: непосредственный.
5. Сартр Ж. П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. Москва, 2000. 836с. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 30.01.2022; одобрена после рецензирования 18.02.2022; принята к публикации 12.02.2022.

RELATIONSHIP BETWEEN CONSCIOUS AND UNCONSCIOUS MIND
IN THE CONTEXT OF M. HEIDEGGER'S DOCTRINE OF "DASEIN"
AND J. P. SARTRE'S CONCEPT OF "PROJECT"

Vladimir V. Tykheyev

Building Maintenance Worker,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia
vvtcaf@yandex.ru

Abstract. The article discusses the possibility of using M. Heidegger's doctrine of "Dasein" about the existence of a personality through existentials in the present, past and future, and J. P. Sartre's concept of "project" about the freedom of self-definition by the personality of his human essence, comprehension of his past, present and future, as a philosophical basis for an alternative to the Freudian paradigm of understanding the relationship between the conscious and the unconscious mind. We cite the concept of "Dasein" in the article as "determined" being, as being that has become the achievement of an individual, as the past that has become his present, which is defined by the openness to the future in its "concern" about the awareness of the finiteness of "being-toward-death". Sartre's concept of the "projectiveness" of human existence is considered as an idea opposite to the Freudian paradigm that postulates the determinism of the past — the idea of a never-ending process of involvement with the world as mediated through the projects of the self, when a person is going beyond his past experience to the still unknown future, which is determined by the chosen "project". The conclusion is made about the potential possibility of using this understanding of the unconscious for new methodologies, disciplinary and interdisciplinary theoretical developments to solve certain scientific and practical problems related to modern reality and modern thinking.

Keywords: the unconscious, dasein, project, Freudianism, being-toward-death, the existential, time, being, nothingness, das Man.

For citation

Tykheyev V. V. Relationship between Conscious and Unconscious Mind in the Context of M. Heidegger's Doctrine of "Dasein" and J. P. Sartre's Concept of "Project". *Bulletin of Buryat State University. Philosophy.* 2022; 1: 60–66 (In Russ.).

The article was submitted 30.01.2022; approved after reviewing 18.02.2022; accepted for publication 12.02.2022.